37. *Warkentin D. M. Correcting Mennonite Brethren Individualism: The Pertinence of Stanly Hauerwas's Theology / D. M. Warkentin. A thesis for the degree of Master of Christian.*

Надійшла до редколегії 04.11.10

УДК 94 (47+57) – 054.62

Т. Н. Чернова

*Международная ассоциация исследователей истории и культуры
российских немцев, Германия*

НЕМЦЫ КОЛОНИИ ИОГАННЕСДОРФ В ЗАКАВКАЗЬЕ (к 160-летию переселения из Ставропольской губернии)

Досліджено процес заселення території Північного Кавказу останньої третини XVIII–XIX ст. Зроблено акцент на ролі та місці німецьких колоністів у цьому регіоні.

Ключові слова: колонії, німці, переселення, Кавказ, законодавство, губернії.

Исследован процесс заселения территории Северного Кавказа последней трети XVIII–XIX в. Сделан акцент на роли и месте немецких колонистов в этом регионе.

Ключевые слова: колонии, немцы, переселение, Кавказ, законодательство, губернии.

The process of settling Northern Caucasus territory at last third of XVIII–XIX century is stated. The role and a place of German colonists in this region are emphasized.

Key words: colonies, Germans, resettlement, Caucasus, the legislation, provinces.

Die Autorin beleuchtet den Prozess der Besiedlung der Territorien im Nordkaukasus und hebt die Rolle und die Stelle der deutschen Kolonisten in dieser Region hervor.

Schlagwörter: Kolonien, Deutsche, Übersiedlung, Kaukasus, Gesetzgebung, Gouvernements.

Все региональные процессы проясняются только в контексте истории государства. Кавказский край Российской империи был

уникальным по своей этноконфессиональной мозаике. В рамках административно-территориального деления Северный Кавказ являлся неотъемлемой частью Ставропольского края. Неразрывная связь и целостность географии и истории Кавказа, единое управление военной и гражданской частью и одновременно – несхожесть ситуации, глубокие различия в формировании социума, специфика колонизационной, переселенческой и иммиграционной политики правительства и экономического развития Северного и Южного Кавказа позволяют выделить региональные особенности процесса формирования здесь немецкой диаспоры. Изучение исторического опыта социальной адаптации, различных сфер деятельности и культуры прошлой этнической группы (здесь – «кавказские» немцы и меннониты) в иноязычной окружающей среде представляется востребованным временем и позволяет понять природу толерантности взаимоотношений с местным населением. Данная статья – дань памяти событию 160-летней давности, попытке переселения немцев-колонистов с Северного Кавказа «за Кавказ».

Различные аспекты истории и культуры этнических немцев на Кавказе нашли отражение в историографии. Ныне сделан первый шаг к комплексному рассмотрению проблемы, хотя преобладает определенная фрагментарность в ее освещении. Отсутствует фон региональной истории, допущены неточности в датах и фактах. Так, по вопросу о возникновении немецких и меннонитских колоний (и хуторов) сомнение вызывает периодизация «немецкой колонизации» Северного Кавказа (три этапа с 1778 по 1920 гг.). Не совсем корректным представляется включение в регион Северного Кавказа имперского периода территории Области Войска Донского (название введено в 1870 г.), которая никогда не входила в Кавказское наместничество, в Кавказский край [15, с. 6–30; 10]. В общем вполне актуально концептуальное переосмысление темы. Трудно не согласиться с положением о том, что «разбирать историю дореволюционного Северного Кавказа в современных административных границах региона столь же нелепо, как говорить об „истории СССР времен феодализма“!» [25, с.13]. Отсутствие в историко-краеведческой и учебной литературе даже упоминания о немцах как составной части многонационального населения Северного Кавказа [3; 9; 6, с. 343–360] говорит о живучести стереотипов советской эпохи и о полном небрежении отдельных авторов к истории дисперсно проживавшего здесь этноса, к его трагической судьбе (депортации осенью 1941 г.). В новейшей российской историографии проблемы появились первые ра-

боты, в которых раскрывается роль генерала А. П. Ермолова в создании немецких поселений на Кавказе и соответствующая позиция правительства, освещается их развитие за столетие (1817–1917 гг.) [31; 32; 33; 34].

Территория региона Северного Кавказа постепенно «прирастал» к империи в результате ряда войн с Турцией (Османской империей, Портой) и Ираном (Персией). Соблюдая принцип историзма, следует непременно учитывать изменения геополитической ситуации на Кавказе, «текучесть» военно-административной географии и «подвижность» границ края. Но проникновение империи на Кавказ нельзя изображать только в виде продвижения границ «по горам и долам». Происходили изменения в самом укладе духовной и экономической жизни общества. Весной 1777 г. новороссийский, азовский и астраханский генерал-губернатор князь Г. А. Потемкин представил Екатерине II план колонизации и свое видение экономического освоения Предкавказья. Для прочного закрепления новой южной границы предлагалось создать Азово-Моздокскую оборонительную линию, правый фланг которой переносился на реку Кубань, левый — до крепости Моздок. К 1780 г. здесь строилось 10 укрепленных крепостей. Императрица повелела заселить пространство на 500 верст Волгским (Волжским) казачьим войском. Было решено также переселить хоперских казаков с Дона, перевести часть регулярных войск. Тем самым было положено начало активному заселению и освоению данного фронта (от англ. „frontier“), пограничья империи.

С целью скорейшего включения региона в единую административную систему указом Екатерины II от 5 мая 1785 г. было учреждено в составе двух областей Кавказское наместничество. В именном указе от 9 мая 1785 г. «О устройстве Кавказской губернии и области Астраханской» во главе наместничества был поставлен П. С. Потемкин (двоюродный брат кн. Г. А. Потемкина-Таврического), а Кавказская область, несмотря на малочисленность населения, была названа губернией [18, № 16193, 16194]. Так на Северном Кавказе впервые возникло наместничество (резиденция переносится из Астрахани в Екатериноград, а в 1787 г. — в Георгиевск).

Таковы предпосылки начавшегося массового переселения сюда казаков и крестьян, русских и малороссов, для хозяйственного освоения огромной территории и защиты границ в условиях «хищнических набегов» горцев на станицы и кордоны Кавказской линии, частых столкновений и проявлений непокорности их и кочевых народ-

ностей (ногайцев, трухменов). При этом правительство изначально стремилось придать процессу колонизации организованный характер, определяя условия и льготы для поселенцев и полномочия наместника [18, № 15619, 16210, 16429].

Появление в степном Предкавказье немцев-колонистов (с Поволжья) относится к концу XVIII века. План переселения «колонистов с луговой стороны Волги на линию, заводимую между Моздоком и Азовым», был изложен генерал-прокурором Синода А. А. Вяземским (по согласованию с Г. А. Потемкиным) в Высочайше утвержденном докладе от 27 октября 1778 г. и одобрен императрицей. Документ можно считать первым правовым актом о поселении немцев на Кавказе [17, № 14814]. Но ни указа по этому поводу, ни соответствующей программы и сметы расходов, ни распоряжений Правительствующего Сената так и не последовало. Скорее, план следует характеризовать как пролог, как декларацию о намерениях, т.к. правительство было всецело поглощено решением главной задачи того времени – укреплением границы путем «приласкания» и усмирения местных горских народов и интенсивным переселением казаков и крестьян. В действительности от одобрения Екатериной II доклада и идеи Вяземского до реального создания немецких колоний на Северном Кавказе был весьма долгий путь.

В рескрипте от 9 мая 1785 г. Екатерина II, заинтересованная в скорейшем развитии нового края и его городов, повелевала: (пункт 4) «Желающим из иностранных поселившимся в Саратовском наместничестве, для удобнейшего отправления торгов и ремесел их, поселиться в городах Кавказской губернии, дать в том дозволение на основании Городового Положения» (принятого 21 апреля 1785 г. – Т. Ч.) [18, № 16194]. Вслед за этим 14 июля 1785 г. последовал Манифест «О дозволении иностранцам селиться по городам и селениям Кавказской губернии и отправлять беспрепятственно торги, промыслы и ремесла свои». Этот правовой акт четко определял положение «иностранных», давая зеленый свет для деятельности на льготной основе в сфере торговли, ремесел и промыслов, что было важно для развития городов и селений, но по сути своей было не совсем адекватно иностранной колонизации (даже, если считать освоение земель промыслом). Скорее, Манифест стал лишь отправным пунктом для реализации плана переселения немцев.

Причины и предпосылки миграций в Кавказскую губернию российских подданных поволжских немцев были органично связа-

ны с решением назревших внутренних проблем саратовских колоний. Первая попытка переселения оказалась безуспешной. Историки упоминают факт проживания уже в 1789 г. при Можарах 347 немцев из Саратовской губернии. По предписанию в 1785 г. кавказского наместника П. С. Потемкина Саратовской казенной палате был дан «позыв» колонистам «перейти в новые заводимые города Кавказской губернии в купечество, в мещанство, цеховые» при условии, чтобы долг их был выписан и сообщен в эту губернию. Откликнувшиеся 74 семьи ремесленников и хлебопашцев из разных поволжских колоний были отправлены для поселения в урочище Можары Моздокского уезда. Но при официальном осмотре казенных поселений на Кавказской линии в июне 1791 г. никого из саратовских колонистов в них не оказалось: одни вернулись на прежнее жительство или «ушли в посторонние губернии»; другие пребывали по городам Кавказской губернии «на промыслах», поскольку «по неудобности расположения» назначенного места они не смогли «обзавестись домоводством». В поисках «разбежавшихся» Кавказская казенная палата и Правление наместничества обратились для решения этого вопроса в Сенат. Указом от 1 июля 1794 г. «О воспрещении находящимся в Кавказском наместничестве колонистам, без ведома начальства и без письменного вида, отлучаться от своих жилищ в другие места или губернии» [19, № 17230] Правительствующий Сенат запретил колонистам самовольно покидать места поселения. Вряд ли следует эту неудачную попытку переселения колонистов с Волги интерпретировать как первый этап «немецкой колонизации Северного Кавказа» (и датировать начало его 1778 годом).

С приходом к власти Павла I были упразднены (1796 г.) наместничества как административные единицы. Территория Кавказского наместничества стала Астраханской губернией, из которой осенью 1802 г. вновь была выделена Кавказская губерния (центр г. Георгиевск). В 1801 г. в состав империи вошло грузинское царство Картли-Кахетия (Восточная Грузия) [20, № 19721; 21, № 20511]. Это способствовало аннексии, дальнейшему присоединению территорий Южного Кавказа (в частности, в результате войн, согласно мирным договорам с Персией и Портой). Западная часть их официально именовалась Грузией (административный центр управления г. Тифлис). Власть Главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом и Главноуправляющего в Грузии простиралась на Северный Кавказ, на Астраханскую область. На основе реформы Главноуправляющего

Грузией генерала от инфантерии А. П. Ермолова (1816–1827), Кавказская губерния была преобразована в 1822 г. в область (центр г. Ставрополь). Согласно Высочайше утвержденному 6.02.1827 «Учреждению для управления Кавказской областью» (к которой уже причислялись и земли Войска Черноморского), она «состояла под одним Главным управлением Грузии», вверенном Главноуправляющему в Грузии (Часть 1, §§ 4 и 8) [22, № 879]. Он же был высшей местной инстанцией по решению всех вопросов внутренних инородцев и иноземцев. Лишь кратковременно, в годы неудачной территориально-административной реформы 1840–1844 гг., Северный Кавказ выпадал из этой орбиты. С образованием Кавказского наместничества (адм. центр г. Тифлис) власти наместника был подчинен весь Кавказ. Итак, Северный Кавказ оказался под главным надзором наместника, в руках которого сосредоточивалась вся военная и гражданская власть на Кавказе, в частности, решения относительно поселения в крае немецких колонистов.

В этих условиях этап поселения немцев на Северный Кавказ проходил более результативно. Миграции были незначительными на общем фоне масштабных переселений из внутренних районов страны. В первой половине XIX в. практически не было иммиграции немцев в Предкавказье из германских земель. Во-первых, изменился сам характер иммиграционной политики царизма. Согласно указу Александра I от 20 февраля 1804 г. и «новым правилам» о приеме и водворении иностранных колонистов, массовый приток зарубежных колонистов канализировался в степи Новороссии. «Высочайшей Грамотой» от 25 декабря 1806 г. император Александр I даровал колонистам особые права, «выгоды и преимущества»: внутреннее самоуправление, свободу вероисповедания, освобождение от повинностей и податей на 30 лет, от воинской службы – навечно. По Грамоте, колония могла пополняться и другими колонистами, что открывало путь для переселения саратовских немцев [21, № 20525, 22410]. Далее, указом от 5 августа 1819 г. переселение иностранных земледельцев в Россию было прекращено [21, № 21163; 27, № 27912, 27954]. Во-вторых, сдерживающим фактором оказалось нестабильное положение в регионе, столкновения с горцами, вылившиеся в долготлетнюю Кавказскую войну (1817–1864 гг.).

Первые очаги немецких поселений появились в Георгиевском уезде (Кавминводы) и у города Святого Креста Моздокского уезда (основан в 1799 г., современный город Буденновск). Ввиду вну-

тренного конфликта с миссионерами часть немецких семей переселилась из Шотландской колонии в пригород Святого Креста (13 семей самовольно и 88 человек по Положению Комитета министров от 29.09.1817), получив по 60 дес. земли. Но они не смогли прижиться там окончательно. В 5 верстах от горы Машук, уже в 1819 г. (на землях в 3143 дес.) возникла колония Николаевская (или Новониколаевская). Колонию Константиновскую, у одноименной крепости, основали, по мнению краеведа Е. Вейденбаума, саратовские переселенцы. Но окончательное причисление и водворение колонистов длилось свыше десятилетия. На 1 января 1839 г. в Кавказской области проживало 237 душ м.п. и 120 ж.п. колонистов. По данным областной Палаты Государственных имуществ, в 1839 г. в Пятигорском округе в трех колониях насчитывалось 348 м.п. и 268 ж.п. жителей. Согласно архивным данным, приведенным историком С. А. Чекменевым, по трем колониям Пятигорского округа числилось 129 дворов, в которых проживало население 616 человек с наделом земли до 9 тыс. дес. [26, с. 171; 29, с. 250; 30, с. 157–162]. Речь идет о Шотландской, Константиновской и Николаевской колониях. При всех расхождениях статистических данных явно одно – это было «каплей в море» в общем потоке переселенцев (сравним 112413 чел./ в 47 казенных селениях в 1840 г.: из них 81543 – в Ставропольском округе, 29860 – в Пятигорском и 1010 – в Кизляро-Моздокском) [10, с. 93]. В 1844 г. недалеко от поселения Прохладное, в Кизляро-Моздокском уезде, выходцы из колонии Каны (волжской) основали на казенных землях колонию Кана (Каново). Министерство государственных имуществ (МГИ), исходя из положения о возможно компактном поселении колонистов, выбрало для нее участок к юго-востоку от Кавминвод – свыше 10 тыс. дес. плодородной земли, из расчета 60 дес. на семью. Несмотря на политику сдерживания самовольных переселений из Поволжья, колонисты из Камышинского уезда сумели основать близ укрепления Нальчик Пятигорского уезда колонию Александровскую (Александрсдорф). В феврале 1852 г. представители поволжских колонистов обратились с прошением и получили разрешение на поселение 30–60 семей в Большой Кабарде. В 1854 г. здесь поселились 34 семьи, многие без письменных увольнительных. Межведомственная переписка о наделе землей и определении круга повинностей поселенцев затянулась до 1858 г., когда, наконец-то, они были приписаны к сословию колонистов Пятигорского уезда и получили 1500 дес. казенной земли, по 35 дес. на семью [1, с. 149–150; 45, с. 64–65]. Две колонии возникли в Ейском уезде на участках, от-

межеванных в 1852 г. от казачьих земель. На берегу Азовского моря возникла колония Михельсталь и на правом берегу Ейского лимана — Александерсфельд (переименованы позже в Воронцовку и Александровку) [14, с. 34—39; 41, с. 345].

Переселения на Северный Кавказ в 1840-е годы причерноморских немцев тоже начались самовольно. К тому времени проявился интерес переселенцев к землям Ставропольского уезда. Так, в 1843 г. на имя министра П. Д. Кисилева (МГИ) поступило прошение о причислении 20 семей из **Екатеринославской губернии** и 9 прусских семейств, которые не видели пользы поселения в окрестностях Пятигорска и просились под Ставрополь: на один из свободных участков в 2 тысячи десятин близ сел. Тугулука, в 45 верстах от города, или — в 1409 дес., ближе к Ставрополю. История основания их колонии Иогансдорф (Иоганнесдорф) западнее Ставрополя служит классическим примером бюрократической волокиты и раскрывает все сложности становления самоинициированных поселений и своеобразии «немецкой колонизации» в этом регионе. Организационное оформление водворения тянулось годами. В Первый департамент МГИ требовались от Кавказской палаты государственных имуществ сведения о просителях и о наличии земли. На решение палаты требовалось согласие Начальника Кавказской области. Чиновничья волокита усугублялась тем, что сведения о колонистах из Екатеринославской губернии следовало запросить в Попечительном Комитете об иностранных поселенцах Южного края России (г. Одесса). Сверх того, требовались разрешения от Кавказского наместника (г. Тифлис) и министра государственных имуществ (г. Санкт-Петербург). Так что переписка о причислении в Кавказской области семей колонии Иоганнесдорф длилась по 1847 г. Наконец, по приказу Кавказского наместника графа Воронцова, этих колонистов принял под особое покровительство губернатор М. М. Ольшевский (2 мая 1847 г. Кавказская область была преобразована в Ставропольскую губернию). Обустройство колонистов затянулось: получить нужное для обустройства хозяйством пособие можно было лишь по окончательному причислению. Оказавшись в весьма затруднительном положении, весной 1847 года они обратились в Ставропольскую Палату государственных имуществ с письменной просьбой выдать им заимообразно пособие по 28 руб. 57,5 коп. серебром. Для этого потребовалось ходатайство губернатора наместнику Кавказскому в Тифлис. Лишь 29 октября 1847 г. Палата государственных имуществ рапортовала о выдаче 22-м семьям колонии Иоганнесдорф, прибывшим в Став-

рополь, полагававшихся пособий для устройства своих домов [2, с. 40; 15, с. 34–39]. Этот пример свидетельствует о том, насколько трудно было первоначально основать здесь немецкие колонии.

Итак, для 9-ти созданных на казенных землях в дореформенный период колоний, включая Каррас, было отведено максимум 25–30 тыс. десятин земли, по 30–60 дес. на семью. В 1858 г. в регионе находилось 2,7 тыс. немцев, что составляло 0,1 % непрерывно растущего численно населения Северного Кавказа. По сведениям Я. Дитца, с 1838 по 1871 гг. с Волги сюда переселились 1303 поволжских немца, что соответствовало данным Саратовской конторы иностранных [2, с. 230; 4, с. 145 (таб. 15); 5, с. 93]. Доля немцев в сельском населении региона была весьма незначительной. Соответственно и практические результаты «немецкой колонизации» на первом этапе оказались здесь более чем скромными. Можно согласиться с мнением, что в первой половине XIX в. немногочисленные «иностранцы колонисты не сыграли заметной роли», «из-за национальной и хозяйственной замкнутости не оставили заметного следа в экономическом и культурном развитии края» [28, с. 24, 45–46].

Становление немецких колоний в Закавказье практически совпало с северокавказскими, но проходило в духе екатерининской политики как одновременный акт, с разрешения Александра I. Переселение сюда из Вюртембергского королевства швабских крестьян и ремесленников, гонимых нуждой и религиозным фанатизмом, состоялось де факто по их настоянию. Первая колония Мариенфельд (31 семейство, виноделы из Швайкхайма) была успешно основана осенью 1817 г. На этот год пришелся пик эмиграции из германских земель в Россию. Перезимовав под Одессой, около 2 тысяч переселенцев, 10 колонн с обозами и детьми, летом 1818 г. вышли в трудный путь. Через Херсон, Георгиевск и Моздок, через Кавказский перевал они добрались поздней осенью в Тифлис. На окраине возникла колония ремесленников – Ней-Тифлис; в радиусе до 65 верст вокруг города, на казенных землях, с наделом по 35 дес. на семью, были созданы колонии Александерсдорф, Петерсдорф, Екатериненфельд и Елизаветталь. Еще две, Еленендорф и Анненфельд, были заложены вблизи г. Елизаветполь (бывшая Гянджа, Северный Азербайджан).

Закавказские немцы-колонисты оказались изначально в прямом смысле слова за Кавказским хребтом, изолированы, без прямых контактов с другими анклавами этнических немцев в стране, даже с первыми колониями немцев, дисперсно расселившимся на Северном

Кавказе. Известен также факт миграции в Закавказье 10 семей из колонии Иоганнесдорф, расположенной под Ставрополем. Нехватка земли подтолкнула их в поиске лучшей доли переселиться в Тифлисскую губернию (Грузия) летом 1850 г.

Ходили слухи о процветающих колониях швабов. В газете «Кавказ» появилось первое описание жизни этих колонистов и была дана лестная характеристика: «Они вообще все грамотны, предприимчивы, трудолюбивы, легко принимают всякие полезные нововведения и польза ими уже приносимая краю – весьма ощутительна» [7]. Переселение в Закавказье немецких колонистов могло быть только при условии, согласия общества родной колонии на увольнение и отсутствия долгов. Самовольно отлучившихся, не имеющих специальных паспортов, высылали на прежнее место жительства. Попытка безземельных семей с детьми (до 50 душ) из колонии Иоганнесдорф Ставропольской губернии переселиться в Тифлиссский уезд одноименной губернии была предпринята на основе официального разрешения от 7 мая 1850 г. Ставропольская Палата государственных имуществ оказала в этом содействие (гарантия свободы передвижения, деньги, корм лошадям, ночлег и т.п.). Их поселение намечалось в урочище на берегу реки Лочин, в 18 верстах от Тифлиса (вдоль дороги в колонию Мариенфельд). Из Экспедиции государственных имуществ при Главном управлении Кавказского наместника (в ведении которой были тогда местные немецкие колонии) смотрителю закавказских колоний Волянскому был передан в июле «абрис» будущей колонии, переселенцам выделены ссуды на строительство домов по 150 руб. серебром на семью. Прибывшие колонисты жили летом в открытых повозках. Лишь с отводом земельного участка им было разрешено пользоваться сараем (принадлежавшим кн. Чавчавадзе). 11 августа из Главного управления наместника смотрителю колоний было предписано согласовать и составить приговор о наименовании будущей колонии. Поселенцы просили назвать ее «Михаэльсдорф или Михаэльсталь» (по имени наместника графа М. С. Воронцова). Но в декабре последовал ответ наместника Кавказского оставить для имени колонии название места – Лочино и известить об этом всех колонистов [11, л. 1, 10 об, 17–18, 30 об; 2].

Колонисты Лочино получили в надел 272,2 дес. земли (из них 56 дес. неудобной), т.е. ниже нормы – 35 дес. на семью, и отчаянно стремились наладить быт и прокормиться. Однако на обращение к управляющему Тифлисской губернией полковнику М. Н. Колюба-

кину, с просьбой «об отпуске им в ссуду 200 руб. серебр. на покупку семян пшеницы», последовали волокита и разбирательство. Экспедиция государственных имуществ сообщила в Главное управление, что им «в особом пособии нет необходимости», поскольку уже было выделено наместником 1500 руб. серебр. всему обществу на постройку домов. В отношении же самовольного захвата земель переселенцев жителями соседнего грузинского селения Марткоби (жалоба колонистов от 11 ноября 1850 г.) последовало указание губернского правления уездному начальству вспаханную землю вернуть и установить «бдительный надзор» за угожьями, данными правительством. Колонисты пожелали также взять с торгов в откуп почтовую станцию Марткоби.

Трудное начало никак не давало возможности колонистам прочно встать на ноги, а их упрекали в лености. Зимой шульц Пульман обратился в Экспедицию (12.02.1851) с просьбой предоставить колонистам продовольствие до урожая и ссуду на покупку семян по 62 руб. 40 коп. серебр. на семью (всего 561 руб. 60 коп.), чтобы выжить. В свою очередь, колонисты поясняли, что все они приехали «на свой счет». А из полученной ссуды в 1385 руб. на постройку дома и приобретение лошадей, часть употребили на строительный лес, а остальное – на питание в течение почти 8 месяцев с 1.07.1850 (по 10 руб. 37 коп. в месяц на одного человека). Лочинцы считали, что на водворение необходимо не менее 300 руб. для каждой из 9 семей (ремесленник Штрет выбыл в колонию Екатериненфельд) [12, л. 22 об, 27 об, 38 об, 86]. В ответе управляющего Экспедицией государственных имуществ Фадеева им было в просьбе отказано, т.к. они уже получали в прошлом помощь и в состоянии осилить трудности своим трудом. Семена же могут быть позаимствованы ими, по четверти на семью, из запаса колонии Мариенфельд. Второй транш пособия на домостроительство был возможен в любое время, с условием, если будет засвидетельствовано окончание строительства до зимы. Прощения колонистов об отводе сенокосных и выгонных мест и ссуды 450 руб. (по 50 руб. на семью) были тоже отклонены, поскольку поданы были они «через голову» начальнику гражданского управления Закавказским краем князю Бебутову. Пояснения колонистов о том, что и наместника, и самого Фадеева в то время не было в Тифлисе; их мольбы, вроде этих: «помогите обзавестись, окрылиться», мол, тогда убедитесь, что «гостеприимство русского правительства использовали мы не без существенной для обеих сторон пользы»; ни заве-

рения, что получив ссуду, «сочтем себя счастливейшим народом на всем земном шаре» [12, л. 42 об, 50 об–51, 55 об], не изменили решения. Такая эмоциональность, такое проявление чувств верноподданных, по-видимому, были вызваны крайней нуждой. Но и они не тронули сердца чиновников.

Поскольку со временем «стерлись» границы отведенного колонию участка и посланный вновь землемер не смог отыскать их признаков, последовало решение Экспедиции государственных имуществ от 13 февраля 1851 г. провести повторное межевание надела по плану. В апреле Волянский принял 2-й транш ссуды 600 руб. серебр. Год прошел в трудах и заботах. Но в феврале 1852 г. Тифлисское уездное управление известило смотрителя закавказских колоний о том, что соседние колония Мариенфельд и селение Марткоби могут не получить от лочинцев занятые и обещанные к возврату семена. Однако под давлением колонистам все же пришлось уплатить долг урожаем.

Положение их очень осложнилось. Тогда Сельский приказ колонии Лочино обратился 5 августа в Экспедицию Главного управления с просьбой разрешить им выезд в Россию, поскольку семьи не получили ни урожая, ни покосов, более того, они «по крайней бедности не в состоянии возратить ссуды, выданные на постройку дома». Иным было мнение смотрителя колоний Волянского: все колонисты, более или менее «преданы нетрезвой жизни и лености» и, несмотря на все побуждения их к трудовой жизни, уходили на заработки в Тифлис, подобно отдельным колонистам из Александерсдорфа. Поэтому он полагал бы «отказать им в дозволении возвратиться». 30 августа 1852 г. из Главного управления наместника последовал отказ колонистам Лочино: просьба «не может быть уважена» по причине неплаты ссуды [12, л. 77, 89–98, 91].

Выбившиеся из сил переселенцы в послании от 16 мая 1853 г. запросили наместника Кавказского гр. Воронцова о прощении долга и дозволении им вернуться. И получили его. Разрешение возвратиться в Иоганнесдорф было дано при условии принятия казной домов и хозяйственных построек колонистов в счет уплаты казенного долга (сумма общей ссуды на строительство в 1275 руб. серебр.). Это свидетельствовало о гибкости фискальной политики правительства. Колонисты должны были получить свидетельства на обратный путь. Тем, кто решит остаться, требовалось иметь письменные виды из Ставрополя.

После отъезда «ставропольских» колонистов Экспедиция при Главном управлении наместника потребовала от смотрителя колоний Волянского продать оставшиеся в Лочино строения колонистов с публичного торга. Вырученные деньги следовало вернуть в казну [12, л. 89–98, 109]. Так, через 4 года закончилась история колонии Лочино, отразившая общую тенденцию – трудности водворения и становления немецких колоний, – проявившуюся и на Южном Кавказе.

Вскоре хутор Лочино стал имением барона А. П. Николаи (будущего заведующего Главным Управлением наместника князя А. И. Барятинского, а в 1881–1882 гг. – министра народного просвещения). С 1864 г. при поддержке Кавказского Сельскохозяйственного общества оно было сдано в аренду управляющему имением агроному Г. Фиверу и превращено со временем в крупный опытно-учебный центр для подготовки местных кадров для развития сельского хозяйства [8].

Библиографические ссылки

1. Аккиева С. И. Немецкие колонии в Кабардино-Балкарии [Текст] / С. И. Аккиева // Немцы на Дону, Кавказе и Волге: материалы рос.-герм. науч. конф. Анапа, 22–26 сентября 1994 г. – М., 1995. – С. 149–150.
2. Дитц Я. История поволжских немцев-колонистов [Текст] / Д. Дитц. – М. : Готика, 1997.
3. Ерохина О. В. Социально-экономическое и культурное развитие немецких колоний Области Войска Донского (70-е гг. XIX в. – февраль 1917 г.) [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук / О. В. Ерохина. – Волгоград, 2001.
4. Ерохина О. В. Немецкие колонии Области Войска Донского (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.) [Текст] / О. В. Ерохина. – Волгоград, 2009.
5. История Ставропольского края от древнейших времен до 1917 г.: региональный учебник для общеобр. школ [Текст]. – Ставрополь, 1996.
6. Кабузан В. М. Население Северного Кавказа в XIX–XX веках [Текст] / В. М. Кабузан. – СПб., 1996.
7. Кабузан В. М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века [Текст] / В. М. Кабузан. – М. : Наука, 1998.
8. Кабузан В. М. Многонациональное население Северного Кавказа в XVIII–XX веках (1798–1989) [Текст] / В. М. Кабузан // Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений. – М., 1999.
9. «Кавказ» (Тифлис). – 1850. – № 40.
10. Кавказский календарь на 1868 г. – Тифлис, 1867.

11. Край наш Ставрополье: очерки истории [Текст] / науч. ред. Д. В. Кочура, В. П. Невская. – Ставрополь : Шат-гора, 1999.

12. Малахова Г. А. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII–XIX вв. [Текст] / Г. А. Малахова. – Ростов-на-Дону, 2001.

13. Национальный Архив Грузии. Центральный исторический архив. – Ф. 226, оп. 1, д. 7. – Далее: НАГр.ЦИА.

14. Там же. – Ф. 240, оп. 1, д. 1164.

15. Нелипович С. Г. Мнение [Текст] / С. Г. Нелипович, Т. Н. Чернова // Научно-информационный бюллетень (НИБ). – М., 2002. – № 4 – С. 26–28.

16. Немецкое землевладение на Кубани [Текст] // Кубанский сборник на 1915 год. Изд. Куб. обл. статист. комит. под ред. Л. Т. Соколова. – Т. XX. – Екатеринодар, 1915.

17. Немецкое население Северного Кавказа: социально-экономическая, политическая и религиозная жизнь (последняя четверть XVIII – середина XX в.) [Текст]. Сб. док. / Сост. Т. Н. Плохотнюк. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2002.

18. Плохотнюк Т. Н. Российские немцы на Северном Кавказе [Текст] / Т. Н. Плохотнюк. – М. : ОАНРН, 2001.

19. Полное Собрание Законов Российской империи [Текст]. – Изд. I. – СПб., 1830. – Т. XX.

20. Там же. – Т. XXII.

21. Там же. – Т. XXIII.

22. Там же. – Т. XXVI.

23. Там же. – Т. XXVII.

24. Там же. – Изд. II. – СПб, 1856. – Т. II.

25. Там же. – Т. XX.

26. Там же. – Т. XXI.

27. Там же. – Т. XXXVI.

28. Рот Е. В. Немецкие колонии Области Войска Донского (последняя треть XIX в. – 1914 г.) [Текст]: автореф. дис. ...канд. ист. наук. / Е. В. Рот. – Ростов-на-Дону, 2003.

29. Северный Кавказ в составе Российской империи [Текст] / ред. А. И. Миллер. – М. : Нов. лит. обозр., 2007. – Серия: „HISTORIA ROSSICA“ (Украины Российской империи).

30. Стащук Н. И. Заселение Ставрополья в конце XVIII века и в первой половине XIX века [Текст]: материалы по изучению Ставропольского края / Н. И. Стащук. – Вып. 4. – Ставрополь : Крайиздат, 1952.

31. Терещенко А. Г. Немецкие колонисты на землях Войска Донского [Текст] / А. Г. Терещенко // Донской временник за 1995. – Ростов-на-Дону, 1996.

32. Чекменев С. А. Социально-экономическое развитие Ставрополья и Кубани в конце XVIII – первой половине XIX в. [Текст]: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / С. А. Чекменев. – Ростов-на-Дону, 1967.

33. Чекменев С. А. Иностранцы поселения на Ставрополье в конце XVIII и в первой половине XIX в. [Текст] : матер. по изучению Ставроп. края / С. А. Чекменев. – Вып. 12–13. – Ставрополь, 1971.

34. Чернова Т. Н. К истории первых немецких поселений на Ставрополье [Текст] / Т. Н. Чернова // Вестник Пятигор. гос. лингв. ун-та. – Пятигорск, 2004. – № 4. – С. 157–162.

35. Чернова Т. Н. Из истории становления немецких поселений на Северном Кавказе [Текст] / Т. Н. Чернова // Ключевые проблемы истории российских немцев: матер. 10-й междунар. науч. конф. Москва, 18–21 ноября 2003 г. – М., 2004. – С. 381–417.

36. Чернова Т. Н. Кавказская Одиссея немецких колонистов Таврической губернии [Текст] / Т. Н. Чернова // Вопросы германской истории. Немцы Украины и России в конфликтах и компромиссах XIX–XX вв.: матер. междунар. науч. конф. Днепропетровск, 24–27 сентября 2007 г. / отв. ред. С. И. Бобылева. – Д. : Пороги, 2007. – С. 69–79.

37. Чернова-Дёке Т. Н. Немецкие колонии в Грузии: специфика становления, управления и экономической жизни (1817–1917) [Текст] // Российское государство, общество и этнические немцы: основные этапы и характер взаимоотношений: матер. 11-й междунар. науч. конф. Москва, 1–3 ноября 2006 г. – М., 2007. – С. 108–135.

38. Чернова-Дёке Т. Н. Позиция и роль А. П. Ермолова в становлении немецких колоний в Закавказье [Текст] / Т. Н. Чернова-Дёке // Отечеств. история. – 2008. – № 1. – С. 13–25.

39. Чернова-Дёке Т. Н. Немецкие поселения на периферии Российской империи. Кавказ: взгляд сквозь столетие (1818–1917) (К 190-летию основания немецких колоний). [Текст] : монография / Т. Н. Чернова-Дёке. – М. : ААО «МСНК», 2009.

40. Чернова-Дёке Т. Н. Немецкие поселения на Кавказе. 1816–1914 [Текст] / Т. Н. Чернова-Дёке // Вопросы истории. – 2010. – № 3. – С. 92–105.

41. Черный К. Н. Ейский уезд (статистическое описание) [Текст] / К. Н. Черный // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1883. – Т. 1.

42. Чеснок Е. В. Немецкие колонии Области Войска Донского [Текст] / Е. В. Чеснок // Немцы на Дону, Кавказе и Волге: матер. рос.-герм. науч. конф. Анапа, 22–26 сентября 1994 г. – М., 1995. – С. 79–98.

43. *Nachtigal R. Die Dondeutschen 1830 bis 1930 / R. Nachtigal. – Augsburg, 2005.*

44. *Rothermel J. Alexanderdorf / J. Rothermel // Heimatbuch der Deutschen aus Russland / Hrsg. von der Landsmannschaft der Deutschen aus Russland. – Stuttgart, 1961. – S. 64–65.*